

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 31

1982

Феликс ЧУЕВ

**ГРОЗДЬ МУСКАТА
ГОЛУБАЯ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 31

Феликс ЧУЕВ

**ГРОЗДЬ МУСКАТА
ГОЛУБАЯ**

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1982 год

Феликс ЧУЕВ

Феликс Иванович Чуев родился в 1941 году в городе Свободном Амурской области. Окончил Московский энергетический институт, аэроклуб и Высшие литературные курсы.

Стихи начал публиковать в 1956 году. Автор многих книг стихотворений, сборников переводов поэтов братских республик, а также документально-художественной повести о крупнейшем ученом нашего века Б. С. Стечкине.

Стихи Ф. Чуева издавались на языках народов нашей страны и за рубежом.

Удостоен премии ЦК ВЛКСМ имени Н. Островского, лауреат XI Всесоюзного фестиваля молодежи на Кубе.

БУДЕМ ЖИТЬ!

Даже в первый день, когда без мамы,—
как я буду жить? Да как-нибудь! —
утром черный крест оконной рамы
белый свет не смог перечеркнуть.

Буду жить — в мечтаниях и боли,
буду жить — от Прута до Курил.
Поднимая тост в любом застолье,
— Будем живы! — батя говорил.

Будем жить.

Прекрасные, как утро,
разве не прекрасны я и ты?
Стоит ли расстраиваться крупно
из-за жизни — экой ерунды!

Будем живы!

Нежная, как завязь,
молодая, яростная жизнь...
Чтобы сны российские сбывались,
ты еще на свете поддержишь.

* * *

Мне снится много дней
один и тот же сон:
в пруду, в тиши теней,
наклонно погружен
биплан еще с войны,
наверное, «У-два»,
из темной глубины
лишь виден хвост едва.

Над ним, как пласт времен,
не светится вода,

лишь близится сквозь сон
размытая звезда.

Кайма вокруг нее,
белесый эмалист.
Небесное жилье.
А сердце так болит!

И я биплан тяну
из ила на траву,
как будто всю войну
из памяти зову.

А он легко идет
наверх, углом из вод,
ко мне хвостом вперед,
блестящий самолет.

Снимаю трав венка
с угрюмого винта,
и вечный зов: «Сынок!» —
плеснула в борт вода.

Держу в руках планшет —
фамилия моя.
И почерк.
Батя?
Нет.
Сегодня это я.

КАЛИНКА

*Н. И. Зотову, фронтовому
комэску отца.*

Столько песен у нас про калину с малиной,
словно горечь и сладость в садочке рядком,
в бело-розовой радости ветер полынный
над гражданским — вчера еще — грузовиком.

Калинушку с малинушкой вода поняла,
Калинушка с малинушкой рано расцвела...

Калинка-малинка — полуторка в поле,
аж на ухабах скамейки гремят,

Не просторы манят раздолжные,
хоть просторы им в первый раз,—
ищет каждая
 место окольное,
где остался Курт или Ганс.

Где давили, топтали, ездили,
шли в пыли, закатав рукава,
по жнивью белокурые бестии
мимо стрелок «Смоленск», «Москва»...

И в деревне гжатской каратели
малыша несли на штыках.
Оказалось,
 у них есть матери
со слезинками на щеках.

Вроде вежливые, приличные,
и привычны руки к труду.
Разрезают кульки герметичные,
достают из пленки еду.

Проливают слезы беззвучные,
сторонясь окрестных ребят.
Поминально бабки беззвучные
в русском поле завтрак едят.

Сколько б ни было нив исхожено,
хоть теперь-то и жалко вас,
не отыщете,
 не положено,
чтоб в могиле лежал ваш Ганс.

Он нигде на земле не значится,
оборвался крестовый путь.
Мы сровняли могилы
 начисто—
кто посмеет нас упрекнуть?

* * *

...И летит снежок обыкновенный,
а бои под Яхромой уже.
Вдоль Кремля гремит парад военный,
первый без военных атташе.

Прожектором подсвеченные,
ночью
их звезды были далеко видны
значительным, победным многоточьем
Второй великой мировой войны...

Заря дрожала, узкая, как меч.
И в тихий день, субботний, августовский,
ушел в портреты
маршал Рокоссовский.
Его любили.
И об этом речь.

ОТБЛЕСК БОГАТЫРЯ ИВАНА ЗАИКИНА

Я с гармошкой губною, трофейною,
батя мой в гимнастерке еще.
Над базаром — страной муравейною —
день молдавский разлит горячо.

На просторе веселья и ругани,
вдоль прилавков, расставленных в ряд,
кружки пива на досках неструганных
апельсиново-южно горят.

Там хозяйюшка наша квартирная
многочумным владела шинком.
Собиралась в нем публика дивная,
там с Заикиным батя знаком...

И от лавок под светом рассеянным
и от стен со стеклянной смолой
пахнет чем-то нездешним и северным,
то ль опилками, то ль синевой...

Почему они с батей приятели,
я тогда и не думал совсем.
Оба летчики, оба мечтатели,
авиаторы разных поэм.

Оба тезки, Иваны российские,
так и вижу я их за столом,
в тесноте, за беседою близкою.
В черном фраке он был...

А потом
я узнал, прочитал —
это Уточкин,
это Горький,
Шаляпин,
Куприн!
Я вернулся на прежние улочки,
только в детстве теперь я один.

И впервые жалею так искренно,
что такой я беспечный вдали,
словно там и потеряна истина,
на базаре, который снесли.

МАЛЯРИЯ

Бессарабия. В инее зелень.
Небо клумбу сосет, как паук.
Грубый снег, исцарапавший землю,
георгиною кровью набух.

Припадаю к остуженной раме
золотого, с прожилками, дня.
То ли детство взметнулось кострами,
то ли жизнь одолела меня?

Дом, и окна в колючках алоэ.
Грузовик от зеленых ворот
вместе с мамой и вместе со мною
отправляется в аэропорт.

Маму тоже трясет малярия,
желто-горькая, как акрихин.
В небе тучи, как доски кривые,
давят солнца гнилой апельсин.

Я о жизни не думаю вовсе,
только б эта болезнь отошла,
только б желтое сбросила осень
догола.
Только б мама жила...

Там, куда я вовек не приеду,
где призывный журавль в облаках,
бродит сын мой по белому свету
с неизвестной синицей в руках.

Там под инеем белые грядки,
там предчувствием полдень прошит,
и за белым окном в лихорадке
застекленная стужа дрожит.

* * *

Отец мой летал на таком самолете,
который сгорал
 за двенадцать секунд,
и в этих секундах
 вы образ поймете —
все лишнее в бате
 они отсекут.

РАССКАЗ АВИАТЕХНИКА

Мы вместе прибыли на фронт,
я — младший лейтенант,
он — в том же звании пилот,
такой же синий кант.

А через год —
то срок большой
на боевом пути, —
а через год он был старшой,
и орден на груди.

Я по ночам чинил мотор
ему в любой мороз.
Одет с иголки майор,
промаслен я насквозь.

К концу войны —
полковник он,
да с Золотой Звездой.
На мне — быллой комбинезон
с медалечкой одной.

Победа скоро. Скоро мир!
Подходит май в цвету.
Пилю из жести, командир,
горячую звезду.

Под целлулоид завожу
такой живой портрет.
С твоим сынншкою дружу
я столько мирных лет.

Сквозь память давних канонад,
былое пригубя,
я, техник — младший лейтенант,
пью чарку за тебя.

* * *

И. В. Сулимову

Он забыл, что он был командиром полка,
что осталась на Западном фронте рука.

Он не просто забыл — он закончил полет,
в мирном мире без неба забот достает.

Где-то служит майор вдалеке от небес,
где-то скромно живет, на высоты не лез.

Как связной поколений, стою перед ним.
Он отца моего знал пилотом своим.

Он заданья крутые ему доверял
и забытой рукой иногда козырял.

БАЙДУКОВ

Под звон молодых юбилейных бокалов
мой тост нерасплесканный будет таков:
— Конечно, товарищи,
Чкалов есть Чкалов,
но рядышком был и Егор Байдуков.

Его боевые друзья откровенно
о нем говорили: — Байдук — это тот,
который не только герой довоенный —
он в самое пекло на фронте пойдет!

За это любили, за это ценили,
и нету, пожалуй, достойней цены:
его Золотую Звезду не затмили
все наши герои последней войны.

Егор Байдуков остается пилотом
военных, воздушных, дерзающих сил,
пилотом, которого перед полетом
сам Туполев быстро, украдкой крестил.

* * *

Ах, эти горькие пилоты,
они уносят целый мир,
и, как холодные полотна,
струятся стены их квартир.

Там, на волнах, плывут и светят
улыбки детства и подруг,
непобежденного столетья
запечатленный полукруг.

И вся земля
на этих стенах
углом от неба отойдет
и превратится постепенно
в большое зеркало высот.

ОТЦОВСКАЯ ПРАВДА

М. Харлампиеву

Когда-то и где-то слышал я про это,
теперь не припомню,
а все ж какво:
кто в прошлое выстрелит из пистолета,
из пушки грядущее влепит в того.

Отцовская правда горда, как награда,
как орден отца — жестяная звезда.
И больше ни строчки об этом не надо —
пусть будет бумага, как совесть, чиста.

* * *

Мерцают, как сад на пригорке,
мои удалые года,
которые небом прогоркли
и сладкими будут всегда.

И, словно белесая птаха,
летит, распластав рукава,
моя озорная рубаха
в мои молодые слова.

* * *

Сошью из неба себе рубаху,
шелковой ниткой из облаков
ее украшу,
вселенский пахарь,
пройдуь рассветной тропой богов.

Панаму солнца к затылку сдвину,
зажму под мышкой мешок из туч,
в простор Галактик
бахчой целинной
войду, селянин, как жизнь, могуч.

Одной затяжкой на зорьке ранней
курну туманность, сев на между,
мои планеты,
плоды сознанья,
мои созданья — в мешок сложу.

И на московском Тишинском рынке
по рупь десяток легко отдам,
минут за двадцать
спущу, как дыньки,
чтоб было празднично и вам и нам.

* * *

Все в России
делалось женщиной —
от стряпни до живых мужиков.
Но трагедия ей обещана
испокон сермяжных веков.

Хоть осыпь ее, Несмеяну,
грудой золота-серебра,
все равно будет жить с Иваном,
а любить —
все равно Петра.

Это тянется беспрестанно,
независимо от поры.
И опять рождаются Иваны,
потому что вечны Петры.

ДЕДУШКА

Дедуня в «кутузке» проснулся.
Тверезый, он все понимал:
четыре «Георгия» тусклых
из тряпочек повинынал.

И замер дневальный на месте:
— Ты, братец, свободен, иди! —
Но дедушка зря б не повесил
четыре креста на груди!
Но дедушка слышал — куда там! —
и туго усвоил, видать,
что волен лишь сам император
сажать его
и выпускать.

И в Зимний послали курьера,
и царь повелел:
— Отпустить!
Георгиеву кавалеру
нельзя и сивухи испить?

И полк знаменитый, Смоленский
навытяжку встал перед ним,
и штабс-капитан Оболенский
сверкнул палашом именовым.

И необязательным шагом,
в усы ухмыляясь чуток,
прошел под кутузовским стягом
с похмелья помятый дедок.

Оркестр по тарелкам веселым
рубил государственный гимн,
и сам генерал Новоселов
проследовал важно за ним...

Вот так понимали когда-то
и почести и ордена.
Регалии полного банта
зело почитала страна.

Герои России!
Они-то
и были и будут опять,
и нам, сыновьям именитым,
негоже про то забывать.

* * *

Из мудрых книг
знавал он только святцы,
и мудрость почерпнул он не из книг,
но с темнотою деда не сравнятся
все три образования моих.

И вот за те, скажу, всего два раза,
что я в застолье с дедом говорил,
обидно незаконченная фраза
скопилась в синих сумерках чернил.

Как будто посоветоваться не с кем,
и разуму и чувству поперек
как будто с невезучим Леваневским
лечу на полюс,
презирая рок...

ГАТЧИНА

Словно доблести лучик
от погон золотых
это слово «поручик» —
из небес, не из книг.

Над прохладным простором
он парит высоко,
с аппаратом «ньюпором»
совладеет легко.

А закончится тяжко,
вскинув аэроплан,
что казацкую шашку
над врагами —
таран!

Мы для мира загадочны —
и сердца и умы.
Мы из Гжатска и Гатчины,
дети Гатчины мы.

Там родник авиации,
красота высоты,
цвет мечтающей нации
проявил там черты.

В парке светится осень
так, что можно прочесть
над молчанием сосен
про высокую честь.

Свет больших откровений
мне открылся отсель.
Пушкин знал, что он гений,
а пошел на дуэль.

Эти дети России
не меняли дорог
и от злой дистрофии
умирали, как Блок.

И профессор неловкий
с золотой головой
шел на танки с винтовкой
под осеннею Мгой.

И не можем иначе мы
и выводим талант,
как поручик из Гатчины,
на победный таран!

ЗАСЛУЖЕННЫЙ АКТЕР

Я выступаю, а публика тает.
Счастье свое я сегодня постиг.
Эта галерка меня доедает
красными деснами кресел пустых.

Значит, ушли.
Словно зубы повыдраны,
щерится зала кровавая пасть.
Только старухи облезлыми выдрами
тщатся чужое мгновенье украсть.

Это они — завершение радости,
той, что другим не нужна никому,
напоминанье непрожитой старости,
аплодисменты себе самому.

Я дошагаю по сцене до края,
я наконец горизонта достиг,
и по витрине небес ударяю —
дзынь! —
и осколки на креслах пустых.

Блещут они, словно звезды былые,
пахнут росой уходящего дня,
и, как программки надежд удалые,
кто-то найдет их, не вспомнив меня.

* * *

Старый дом. Рояль старинный.
Единение сердец.
Ляля, Туся, Викторина
музицировали здесь.

Пудра «Лебедь» в ридикюле,
театральный креп-сатен.
Одинокие чистюли
жили тут без перемен.

Чай заваривали крепко,
говорили про Дункан.
Жили жизнь. И, как в беседку,
лез к ним месяц-интриган.

...В канделябре сквозь рассудок
тихо плавают года —
блеск прозрачных незабудок,
лепестковый, как слюда.

И на глянцевом буфете
проступают кружева,
как на мужнином портрете
отраженная вдова.

* * *

Приехать в город незнакомый,
пройти по улочкам чужим...
Надеждой завтрашней влекомый,
как долго был я молодым!

В те дни в краю провинциальном,
не обойденном стороной,
в кружке каком-то театральном
я познакомился с одной.

Она мечтала о Джульетте...
Какие мысли и слова,
какое жгучее столетье —
как снисхождение волшебства!

Варенье помню из кизила,
и чай, и солнечный калач.
В двадцатом веке тоже были
пиры страстей и неудач.

Она так тоненько ступала,
светясь, как солнечная нить,
а мне вопросов не хватало,
чтобы себя не уронить.

Ледок асфальтовый был юным,
пробитый звездами до дна,
и в море плавилась чугунно
провинциальная луна.

...Когда в былую юность визу
мне зрелость щедрая дала,
со стен фамилия актрисы
меня внезапно обожгла.

Я долго, пристальной, все ближе
смотрел на сбывшийся портрет
и у задумчивой кассирши
купил сиреневый билет.

На сцене юность в отдаленье
тянулась праздничной игрой,
как чай с кизилковым вареньем
и как ледок береговой.

Аплодисменты отгремели,
а у портьер с собой в борьбе
ее непризнанный Ромео
ей не напомнил о себе.

А эти строки?
Между прочим,
они безгрешны и не в счет,
поскольку этих самых строчек
она, конечно, не прочтет.

* * *

Я иду тропинкой хвойной,
я ничейный, я не твой,
пусть шумит листва спокойно
над твоею головой.

Видишь, лес уже кончается,
за тобой не побегу.
Вся влюбленность завещается
безупречному врагу.

Убегай — жалеть не стану,
даже виду не подам.
Поцелуешь Несмеяну —
Несмеяном станешь сам.

Я люблю свои пороки,
я улыбочиво живу
и трепещущие строки
выпускаю в синеву.

* * *

Голос неба в ночи ему слышится
среди звезд голубого литья:

— Я жена твоя первая, бывшая,
я потеря твоя и своя.

Из апреля, давнишне-далекая,
через столики, через друзей,
наблюдаю тебя в оба ока я
незабытой заботой своей.

Безучастная, злая, неверная,
я вернее всех прочих твоих,
я жена твоя самая первая,
ты ко мне, как к обиде, привык.

Ты шагаешь, снежком зацелованный,
по морозному зною потерь,
ненавистный, другими балованный,
как на волю отпущенный зверь.

Я чужая живу, безучастная,
полированный лак, зеркала,
и в былое не смею стучаться я —
я былое тебе отдала.

ЗМЕИ

Когда погас маяк,
неясно почему,
ударился корабль
о каменную тьму.

Потом еще один,
пока разобрались,
что очень прост вопрос —
идет борьба за жизнь,

что очень сладок сон
на круглом том стекле,
где серых змей клубок
пристроился в тепле.

Захвачен ими свет,
а не простой уют —
ведь гады на земле
для гадостей живут,

чтоб не было впотьмах
прозренья маяка,
и гибели корабли
теперь наверняка.

СВЕТЛЫЙ СУМРАК ВЫСОТЫ

Наблюдаю, протараня
светлый сумрак высоты,
аккуратное старанье —
виадуки и мосты.

Город бьется подо мною
в белоинейных сетях.
Мерзнут памятники стоя
на парадных площадях.

Город выловлен, как рыба,
белым сейнером зимы —
шевелиющаяся глыба,
чешуя огней из тьмы.

В разгорающихся звездах,
в плотной пасмури пльву
и растягиваю воздух,
как тугую тетиву.

В небесах мое спасенье
от молчания и слов,
голубое невезенье,
светлый сумрак облаков.

* * *

Убитые секунды опадают,
им стрелки ловко лучики секут,
и устланная ими мостовая —
как золотое кладбище секунд.

А я иду под звонким солнцепадом,
вминая в землю сутки и года.
В сетях деревьев плещется над садом
чешуйчатая синяя звезда.

Ее мне даровала Ночь-царица,
задумчивая, ласковая Ночь.
Но только б солнцу завтра не разбиться,
но только б солнцу я сумел помочь!

УЛИЦА

Здесь форсила в тельняшках шпана городская,
аж в хибарах подрагивал пол земляной,
здесь прошли мои сверстники, сами не зная,
в годы после войны испытанье войной.

Будет мартовский снег нам на кепочки сыпаться,
ветер ватники куцые дергать: иди!
Нам еще предстоит испытание сытостью.
До него далеко. Но оно впереди.

ОБЛИГАЦИИ

Погашают облигации.
В кассу очередь стоит.
Войн и строек делегацию
завершает инвалид.

В том строю —
вы тоже видели,
не увидеть не могли —
получают за родителей
дети кровные рубли.

Папа с мамой не дожили —
голодовки, недосып,
и в руках святое прошлое
держит дочка или сын.

Там не знаки водяные
на изогнутых листках —
пятна пота трудовые,
кровь на рыжих уголках.

Память, доблестью не бедная,
пяtilетки и война,
где названия победные
все —
оплачены сполна.

И стоят сыны и дочери
у распахнутых дверей,
словно в будущее очередь,
в то, где нет очередей.

МУСОРГСКИЙ

Гениальность не бремя,
а безвестный маршрут
в благодарное время,
где другие живут,

где художник всеислен
и достоин любви,
если признан Россией,
золотыми людьми.

* * *

Зеленый ветер мая,
зеркальная трава.
Мелодия цветная
врывается в слова.

И сам себя я вижу
еще в родном дому.
Цветут шальные вишни
по детству моему.

Взлетает аистенок
над юностью моей,
и я как бы спросонок
сейчас слежу за ней.

Безвестным Магелланом
угадываю путь
затем, чтобы о главном
сказать когда-нибудь.

Находки и потери,
решительность и страх,
в крови бушует Терек
и Арктика в глазах.

Остылый ветер мая
белесый треплет зуб.
Мелодия цветная,
веселая чуть-чуть...

МУЗЫКА

Белый дождь над косточками ближних
Пальчиком над клавишей болит,
искорками тычется в булыжник,
словно костылями инвалид.

Музыка — от черта ли, от бога —
экая придумка — трам-та-ти! —
повстречает гостя у порога,
чтобы гостю весело войти.

Музыка Паоло и Франчески
по Европе пушками свистит.
Интеллектуальный Тухачевский
в кабинете скрипку мастерит...

Жжет табак и водку глушит леший
И в ночи садится за орган.
Глотку жмет от дыма побелевший
галстук, как казненный партизан.

Крутится пружина в патефоне,
скачут привокзальные огни,
глухо ржут подорванные кони
и визжат заржавленные дни.

ПЕРВЫЙ РАЗ В МОСКВУ

Что могла мне мама дать в дорогу —
три вкрутую сваренных яйца
да печенья житного немного.
Мне б живым застать еще отца!

— Что, мужик, печалишься, угрюмый?
Все в Москве-то будет хорошо!—
Двухметровый Колюшка Чурумов
к креслу командирскому прошел.

Шесть часов крошил он зимний воздух
дисковыми пилами винтов,
и на землю сыпались известкой
белые опилки облаков.

Все имело тайное значенье:
наша тень на облачной гряде,
и нелепость сладкого печенья
на оскомно-кислой высоте,
яблочные запахи вокзала,
и в метро чужие москвичи,
черный снег,
покуда не предстала
та больница белая в ночи...

* * *

Мотоциклист,
как шмель в стекло,
летел, тараня ночь слепую.
Ему на риск всегда везло
и повезет напропалую.

Я только так
хочу прожить,
движенью радуясь и мучась,
в слова бесстрашные вложить
его летящую живучесть.
И мчатся,
пусть не прямиком,
а все ж дорогою прямою,
сигнальным алым огоньком
для тех,
кто следует за мною.

САША ЯКУШЕВ

Саша Якушев, многократный
шайбы яростной чемпион,
протянул мне пропуск бесплатный,
и ушел в раздевалку он.

СОЛДАТЫ РОДИНЫ МОЕЙ

...Когда он подвиг совершает,
то не заботится ничуть,
узнает кто иль не узнает
о нем самом когда-нибудь.

Но жизнь подарена планете
и небо мирное над ней
лишь потому, что есть на свете
солдаты Родины моей.

И в селах Сербии и Польши,
и на дунайском берегу
доныне помнят Сашу, Гошу
и Вани снимок берегут.

Нет, не чужих земель воитель
моей державы рядовой,
и высший чин—
Освободитель
ему присвоил шар земной.

Вокруг него всегда воркует
детей восторженных орда...
Какую армию другую
вот так любили и когда?

Ведь жизнь подарена планете —
держи на память, не робей! —
поскольку есть на этом свете
солдаты Родины моей.

СВИДАНИЕ С СЫНОМ В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Он так не хочет уходить,
как будто чувствует: надолго.
Тропы оборванная нить,
меня уколет, как иголка.

Я тоже знал такие дни
в отряде первом пионерском —
как жаль себя,
как жгут они,
и поделиться снова не с кем.

Когда уйдем,
о нас они
поплачут лучше всех.

ГРОЗДЬ МУСКАТА ГОЛУБАЯ

Гроздь муската голубая—
символ детства в сентябре,
из лучей себя свивая,
полыхает на заре.

Гроздь муската на закате...
Никого не станет, нет!
Лишь белесый луг, как скатерть,
будет сотни тысяч лет.

Будут солнечные пальцы
греть родимые края,
будет девушка смеяться,
к сожаленью, не моя,

на мосту, на том же самом,
нестареющем мосту,
где безгрешным мальчуганом
я сквозь прошлое пройду.

Но, когда взлетит жар-птицей
Дня Победы торжество,
мне уже не насладиться
видом бати моего.

А девчонка напевает
на моем мосту свое.
Гроздь муската голубая
на ладони у нее.

* * *

Было в детстве у меня
поле за кустами.
Голубая ребятня
хвастала отцами.
Окунался оком

в бархатные краски,
и блистал аэродром
явью русской сказки.
Вровень шли сквозь ковыли,
в полный рост, не горбясь,
и почувствовать смогли
ласковую гордость.
И такую красоту,
что, глаза разинув,
заманили в них мечту
вместе с небом синим.
Солнце жжет земле бока,
наколов на спицы,
а вверху, сквозь облака,
пить и не напиться.
Прыгнуть ласточкой туда
от земного зноя...
Как глубинная вода,
небо ледяное.
Неужели отошли
навсегда, до боли,
голубые ковыли
на зеленом поле?
Где-то бродит наяву,
не взрослея, лето,
и в глазах, пока живу,
небо не поблекло.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Будем жить!	3
«Мне снится много дней...»	3
Калинка	4
Гости «Интуриста»	5
«...И летит снежок обыкновенный...»	6
«В субботу умер маршал Рокоссовский...»	7
Отблеск богатыря Ивана Заикина	8
Малярия	9
«Отец мой летал на таком самолете...»	10
Рассказ авиатехника	10
«Он забыл, что он был командиром полка...»	11
Байдуков	11
«Ах, эти горькие пилоты...»	12
Отцовская правда	12
«Мерцают, как сад на пригорке...»	13
«Сошью из неба себе рубаху...»	13
«Все в России...»	13
Дедушка	14
«Из мудрых книг...»	15
Гатчина	15
Заслуженный актер	17
«Старый дом...»	17
«Приехать в город незнакомый...»	18
«Я иду тропинкой хвойной...»	19
«Голос неба в ночи ему слышится...»	20
Змея	20
Светлый сумрак высоты	21

«Убитые секунды опадают...»	21
Улица	22
Облигации	22
Мусоргский	23
«Зеленый ветер мая...»	23
Музыка	24
Первый раз в Москву	24
«Мотоциклист...»	25
Саша Якушев	25
Солдаты Родины моей	27
Свидание с сыном в пионерском лагере	27
«Пусть жизни свет...»	28
Гроздь муската голубая	29
«Было в детстве у меня...»	29

Феликс Иванович Чуев

ГРОЗДЬ МУСКАТА ГОЛУБАЯ

Редактор **Е. А. Антошкин.**

Технический редактор **В. Н. Веселовская.**

Сдано в набор 07.06.82. Подписано к печати 19.08.82. А 00396.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,48.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1628. Зак. № 2580. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

**КНИГОЛЮБЫ,
УЧАСТВУЙТЕ ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ
ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ КНИЖ-
НОЙ ЛОТЕРЕЕ!**

Книгу можно не только купить, но и приобрести по выигрышному билету Всероссийской книжной лотереи из наличного ассортимента книжных магазинов или киосков

Вероятность выигрыша велика, так как 90% от суммы реализованных билетов идет на выигрыши

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3, 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета

Если суммы выигрыша не хватает для приобретения выбранной Вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами

Прочитанные книги вы можете продать книжным магазинам. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам

**Росглавкнига
Дирекция Всероссийской
книжной лотереи**